

- ⁵⁴ Патканов С. Статистические данные... С.933—934.
- ⁵⁵ Бочкарев В.В. Историко-хозяйственный очерк района им. П. Осипенко. Архив р-на им. П. Осипенко. Рукопись не зафондирована. С.8.
- ⁵⁶ Мыльникова К.М., Цинциус В.И. Указ. соч. С.108.
- ⁵⁷ Липский А.Н. Указ. соч. С.ХІХ.
- ⁵⁸ Гапанович И.И. Амгунские тунгусы и негидальцы, их будущность // Вестник Маньчжурии. Общество изучения Маньчжурского края. Историко-этнографическая секция. Сер.А. Вып.20. Харбин, 1927. № 8, 9, 11. С.8.
- ⁵⁹ Туземное хозяйство низовьев Амура в 1927—1928 году. Хабаровск; Благовещенск, 1929. С.14—31.
- ⁶⁰ Форштейн К.М. Негидальцы. Госархив Хабаровского края, ф.537, оп.1, ед. хр.53, л.171.
- ⁶¹ Не учтены несколько семей, проживающих на Сахалине и фактически потерявших связь с амгунскими сородичами.
- ⁶² Полевые материалы автора за 1999 г.

Н.В. Ермолова

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА СИБИРИ В XX ВЕКЕ: ПОТЕРИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ

По своей природной и историко-культурной специфике сибирский Север занимает особое место среди других регионов нашей страны. Необычайно суровые природно-климатические условия таежной и тундровой зон, непозволявшие выработать высоко развитые технологии, привели к сохранению здесь почти до середины XX в. специфических консервативных форм культуры, заключавшихся, с одной стороны, в минимальном антропогенном воздействии на естественную среду обитания, а с другой — в максимальном сохранении уже выработанного культурно-природного баланса. Это в значительной степени и определило основные последствия культурной «революции», произошедшей на Севере в XX в., когда самобытная традиционная культура его народов, высоко духовная в своем стремлении к гармонии с природой, столкнулась с воздействием индустриальной цивилизации, ориентированной на активное подчинение природного мира материальным потребностям человека.

В оценке результатов культурных изменений в среде северных этносов к концу XX в. существуют две противоположные позиции, каждая из которых обусловлена исторически и идеологически. Первая, официальная для советского времени и существовавшая до середины 1980-х годов, была крайне восторженной, преподносившей все изменения в жизни северных народов как безусловно положительные явления, обеспечившие гигантский скачок из «первобытности» в развитый социализм. Другая, возникшая с началом «перестройки» и связанная с переоценкой всего, что происходило в нашей стране до 1985 г., стала все достижения советского периода резко критиковать как явления, вызвавшие разрушение национальных культур и особенно негативно

отразившиеся на северных народах. Действительность же всегда намного сложнее и многограннее, чем позволяет себе представить любая из ее трактовок.

Север Сибири, несмотря на свое окраинное положение, никогда не находился в изоляции от основной части Евразии, однако связи, которые объединяли эти регионы в одно целое, в разные эпохи были неодинаковыми. До XVII в. они ограничивались в основном торгово-обменными отношениями, хотя время от времени некоторые районы попадали в зону политического и культурного влияния отдельных государств и даже целых империй, периодически возникавших в степных районах Евразии. В то же время в силу различных объективных причин сами коренные народы Севера не поднимались в своем социальном развитии до стадии государственности. Лишь включение Сибири в состав России изменило эту ситуацию, и начиная с XVII в. народы Севера, войдя в рамки государственного образования, стали более динамично воспринимать новые для них установки и ценности иной социокультурной системы. Однако интенсивность этого этно-культурного взаимодействия до середины XX в. оставалась сравнительно невысокой, что и позволяло северным народам сохранять свою самобытность в изменившихся исторических условиях. Этот продолжительный трехвековой этап, к которому следует отнести и первую половину XX в. (примерно до конца 40-х годов), может быть охарактеризован как постепенное эволюционное встраивание уникального северного комплекса в социокультурную модель Российского государства, которое прошло в своем развитии путь от феодального и затем капиталистического к социалистическому устройству общества. При этом каких-либо кардинальных изменений, угрожавших самобытному развитию национальных культур народов Севера, в этот период не происходило, поэтому нельзя согласиться с суждениями, выраженными в оценках типа «Царская Россия — тюрьма народов» или «Социализм — угроза национального развития», которые считают тот или иной общественно-экономический строй уже сам по себе, в силу его социальной структуры, несущим разрушение и гибель национальным культурам малочисленных народов.

При всей глобальности социальных изменений, происходивших в государственном устройстве России в XIX—XX вв., этот фактор воздействия на культуру оказался менее опасным для народов Севера, чем влияние технологического прогресса в той его форме, которая наступает с достижением обществом индустриальной стадии развития. Именно индустриализация, к тому же проведенная в предельно сжатые сроки, внесла в развитие нашей страны изменения, нарушившие существовавший до этого в ее культуре баланс материально-экономического и духовно-нравственного начал. Северные этносы этот процесс задел особенно остро, так как, во-первых, их традиционные ценностные ориентации кардинально расходились с системой ценностей цивилизации европейского типа с доминирующим в ней принципом материально-экономического развития и, во-вторых, интенсивное промышленное освоение Севера вызвало катастрофическое сокращение естественной среды обитания коренного населения, что поставило под угрозу само существование его уникальной культуры.

Поиск путей выхода из создавшегося положения привел к появлению в конце 1980—начале 1990-х годов двух взглядов на возможности будущего развития северных народов: 1) восстановление и консервация системы традиционного землепользования, а также охрана национальных форм культуры на основе принципа резервации; 2) индустриальный путь развития, который неизбежно ведет к этнокультурной ассимиляции. Эти две точки зрения на дальнейшую судьбу малых народов Севера основываются на положительном и отрицательном отношении в нашем обществе к развитию северных культур в советский период. Однако альтернатива здесь вряд ли возможна, так же как и трудно решить однозначно, зло или благо принесли советские преобразования цивилизации Севера. Результаты их воздействия разноплановы и противоречивы.

Невозможно принизить несомненное положительное значение таких явлений, как введение среди северян всеобщей грамотности, создание письменности на их языках, появление национальной интеллигенции, профессионального искусства и художественной литературы, усвоение ценностей и опыта других культур, возможность широкого профессионального выбора, участие в общественной и государственной деятельности, приобщение к лучшим творениям мировой цивилизации. Как оставить народы Севера без этих достижений XX в.? Изоляция уже невозможна, как нереален и возврат к прошлому. Развитие культур идет через их диалог, и XX в., дав богатый опыт такого общения, показал, с одной стороны, тупиковость современного технологического пути развития, а с другой — непреходящую ценность духовного обогащения человечества в результате этнокультурного взаимодействия народов, обозначив таким образом ориентиры для выбора пути в преодолении современного кризиса.

Тяготение к национальным основам культуры, начавшееся в нашей стране в последнее десятилетие XX в., не оставило в стороне и малочисленные северные народы. Благодаря их включению в этот общий процесс возрождения национальных культур сами народы стали постепенно все более активно участвовать в обустройстве собственной жизни, пытаясь найти формы сочетания традиционного хозяйства и обусловленных им некоторых черт быта с наиболее важными для жизни современными достижениями в области техники и технологии. К сожалению, пока приходится говорить скорее о появлении общей тенденции, чем о реальных изменениях к лучшему. Однако задача этнографов, а также других специалистов, имеющих непосредственное отношение к проблемам коренных народов Севера, состоит в скорейшей объективной оценке этой новой ситуации и срочном использовании инициатив северян в решении их собственной судьбы.